

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ МАРШАЛА Л.Н. ДАВУ В ТЕЧЕНИЕ ОККУПАЦИИ МОСКВЫ 1812 ГОДА

Рубини Франческо

старший преподаватель, Российский университет
дружбы народов; аспирант, Высшая школа экономики,
Москва
francesco.rubini@mail.ru

CORRESPONDENCE AND ORDERS OF MARSHAL LOUIS DAVOUT DURING THE OCCUPATION OF MOSCOW IN 1812

F. Rubini

Summary: The article is devoted to one of the most controversial moments of the Napoleonic wars, the occupation of Moscow by the French. The analysis of the events of the Patriotic War of 1812 is presented on the example of memoir literature. The author examines in detail the role of the famous French military leader L. Davout in the occupation of Moscow by Napoleon's army. It is said about the great respect of the marshal among his subordinates. About the methods used by the marshal during military events. It speaks of Davout's administrative talent, who achieved a high level of combat readiness of the military units entrusted to him as part of the corps. Its role in the fight against looting and other illegal actions against the civilian population of Moscow is noted.

Keywords: Russian Campaign, Grande Armée, Louis-Nicolas Davout, Moscow occupation of 1812, looting, French soldiers, letters, orders.

Аннотация: Статья посвящена одному из самых противоречивых моментов наполеоновских войн, оккупации французами Москвы. Анализ событий Отечественной войны 1812 г. представлен на примере мемуарной литературы. Автор подробно исследует роль известного французского военачальника Л. Даву в оккупации армией Наполеона Москвы. Говорится о большом уважении маршала среди его подчиненных. О методах, которые использовал маршал при проведении военных мероприятий. Говорится об административном таланте Даву, который добивался высокого уровня боеготовности вверенных ему воинских подразделений в составе корпуса. Отмечается его роль в борьбе с мародерством и иными противоправными действиями в отношении мирного населения Москвы.

Ключевые слова: война 1812 года, Наполеон, Даву, оккупация, мародёрство, французские солдаты, письма, распоряжения.

Введение

События, вызванные военными действиями 1812 года, до сих пор определяют мыслительный процесс и поступки человеческих масс. Несмотря на постоянное отступление, испепеление деревень и городов, грабежи и святотатства, русские люди и само государство поднялось из руин. Россия вышла из войны победительницей, но, тем не менее, война повлияла на весь историко-культурный код тех народов, которые в составе Великой армии Наполеона вторглись в пределы России, а также и тех, кто подвергся их агрессии.

Но каким образом память об Отечественной войне сохранилась и трансформировалась в культуре и сознании задействованных в ней народов? Полагаем, что наряду с великим отступлением, наибольшее воздействие на неприятельскую армию оказала дневная оккупация Москвы, а вместе с ней и Великий пожар. Пожар охотно воспевался поэтами, мемуаристами и историками. Он и по сегодняшний день овеян многими легендами. Пожар был не только частным, конкретным событием. Он стал настоящим символом войны 1812 года, наряду с Бородинской битвой. Пожар Москвы большинство историков склонны считать действием отступавших русских войск и властей. На этот счёт имеются многочисленные сви-

детельства. А вот в истории России пожар стал вехой, определившей ее дальнейший путь. Но оккупационная армия тоже нанесла значительный урон древней столице России, пребывая в ней больше месяца – с 14 сентября по 23 октября 1812 года.

Актуальность

Французская оккупация сопровождалась мародерством, грабежами, святотатствами. До сих пор по многим вопросам пребывания неприятельских войск во главе с Наполеоном Бонапартом и его маршалов в Москве, на основании отличающихся между собой свидетельств, которые доступны в наши дни, ведется полемика, поэтому выбранная нами тема, является актуальной. Данная статья посвящена одному из любимцев Наполеона – маршалу Луи Даву и его роли во французской оккупации Москвы в 1812 году.

Материалы и методы

Материалами при написании данной статьи стали обшетеоретические исследования мемуарной литературы и историографических трудов на тему. В статье использованы научный и аналитико-исторический метод, обусловленный спецификой данной работы и позволяющий представить личность маршала Луи Даву на основе его

корреспонденции и распоряжений.

Обзор литературы

Маршалу Даву посвящено много мемуарной литературы и исследований знаменитых историков: А.Н. Попова, Е. Тарле, Н.Ф. Гарнич, русского историка Богдановича и др. Александр Васькин в своей книге «Москва 1812 года глазами русских и французов» говорит, что маршал был любимцем Наполеона, так как был бесконечно предан своему императору. Васькин говорит о маршале как о надменном, жестком, хоть и справедливом, полководце, считающим себя лучше других наполеоновских генералов. Однако, автор отмечает, что Даву один из первых занялся усовершенствованием своего пехотного корпуса и вывел его в ряды самых лучших корпусов. Более полную картину, дающую наилучшее представление о маршале Даву, можно найти в исследованиях Сергея Захарова, а также в мемуарах французских генералов, таких как Тьебо, Марбо и др. Кроме этого использованы выдержки из личных мемуарных воспоминаний маршала Луи Никола Даву.

Результаты

В основу статьи легли воспоминания и мемуары маршала Л.Н. Даву, его письма Наполеону и своей супруге, обращения к солдатам и распоряжения. Для обсуждения использовались воспоминания французских генералов и очевидцев событий в Москве в 1812 году.

Обсуждение

Пожар Москвы большинство историков склонны считать действием отступавших русских войск и властей. На этот счёт имеются многочисленные свидетельства [5; 7]. Но оккупационная армия тоже нанесла значительный урон древней столице России, пребывая в ней больше месяца – с 14 сентября по 23 октября 1812 года. Конечно, самым массовым видом ущерба был грабёж частного имущества в покинутых домах и у немногочисленных оставшихся в Москве граждан, а также в церквях и монастырях. Москвичи, пережившие наполеоновскую оккупацию, единодушно свидетельствовали, что разные нации, составлявшие «Великую армию» завоевателя, вели себя по-разному. «Союзники французов, – писал дореволюционный историк Александр Попов в книге «Французы в Москве в 1812 году», – особенно немцы Рейнского союза, с первого дня занятия Москвы кинулись на добычу из жадности корысти; с ними соперничали поляки, увлекаемые притом и ненавистью к русским. Французы, по свидетельству современников, вообще отличались от своих союзников умеренностью» [7]. В день занятия Москвы Наполеон назначил комендантом города маршала Мортье, приказав ему расстреливать

каждого, кто замечен в грабеже и мародёрстве. Но если бы пришлось буквально исполнять этот приказ, то уже очень скоро в армии Наполеона не осталось бы ни одного человека.

Особенно сурово и порой жестоко маршал Луи Никола Даву боролся с проявлениями грабежа и мародёрства – теми явлениями в солдатской среде, которые он ненавидел всеми фибрами своей души. Он, как правило, никогда не останавливался перед расстрелом мародёров, застигнутых на месте преступления. Примером такого отношения может служить обращение Даву к солдатам и офицерам своего корпуса, требуя от них неукоснительного соблюдения дисциплины и порядка:

«Дисциплина никчемная! Но я покажу пример, как усилить дисциплину. Да, господа мои! Одному полковнику, который забылся, я содрал эполеты, а император снял его с должности. Тридцать кирасир в этом дружественном городе, где у меня главная квартира, позволили себе грабеж среди бела дня. В течение одного часа они были расстреляны. Господа мои! Я напоминаю вам о вашем долге, о воле императора, о моем приказе. Я клянусь, что приму меры, дабы наказать каждого, кто провинится, невзирая на личность, пусть и самую превосходнейшую» [11, р. 94–96].

Дабы ни у кого не было сомнения в искренности его, маршала, словах, Даву приказал расстрелять троих солдат, повинных в грабеже и бесчинствах, о чем и сообщал начальнику генерального штаба маршалу Бертье. «Приговор приведен в исполнение сегодня в полдень, – добавляет Даву. – Я надеюсь, что этот суровый и полезный пример подействует на войска». Через два дня перед фронтом своей части были расстреляны еще трое солдат, «обвиненных в убийстве и вооруженном грабеже». По свидетельству капитана Колачковского, «беспощадный маршал не допускал мародёрства, и его расправа с ними была очень короткой» [4, с. 34–36].

Стоит отметить, что на территории, оставленной русской армией, французы не нашли значительных запасов продовольствия и фуража, так как они уничтожались отступавшими частями. Переходя Неман, Наполеон не поставил армию в известность, что она вступает в дружественную область, в пределы бывшего Великого княжества Литовского, а, наоборот, возвестил о начале военных действий в неприятельской стране. Предостережение Наполеона могло бы внести некоторый порядок в способ взимания продовольствия с населения. Но этого не произошло, и реквизиции моментально превратились в ничем не прикрытый грабёж. Маршал Даву карал грабителей повсеместно, где проходили его войска. По словам поручика Гаевского, в Минске Даву наказал 2 тыс. мародёров [6]. Вне всякого сомнения, Гаевский ни-

как не имел в виду, что все 2 тыс. нарушителей были расстреляны. Если бы этот «факт» имел место в действительности, то мы бы узнали об этом не только от мемуариста, но и от других участников этой войны. Дело в том, и это факт, - Л. Даву чаще грозил наказанием, нежели приводил его в исполнение, и таков был его авторитет, что никто не сомневался в том, что он сможет привести свои угрозы в исполнение.

Среди правил, которые усвоил и высказывал Даву, есть одно, которое он повторял часто: причинить врагу любой необходимой ущерб, однако, совершая это, безжалостно подавлять любое зло, не имеющее целью успех в войне. Этому правилу маршал следовал всегда во время своего воинского пути. Он будет высказывать сожаления, что подобные принципы не были задействованы в Великой армии во время Русской кампании; по мнению Даву, если бы этот принцип был учтен, то в войсках не было бы того беспорядка, а порой и анархии, которые начали проявляться уже в начале этого грандиозного предприятия и которые во многом привели к столь пагубным последствиям.

Все меры, стремящиеся увеличить эффективность войск в бою, требовали очень строгой дисциплины. Маршал требует ее соблюдения, и сам подает пример в этом деле, не давая себе никаких поблажек. Сам маршал так говорил о своей суровости и строгости на войне:

«Я действительно был суров, но суров на словах, что входило в мою систему во всех странах, где я командовал, и отзвуку которой я позволял расти; на самом деле я был далек от того, чтобы стремиться разрушить ее, чтобы избавить себя от тягостной обязанности строго наказывать» [8, р. 20–21].

Это факт, что Даву, несмотря на известную строгость и подозрительность своего характера, чаще грозил наказанием, чем приводил его в исполнение. В своей деятельности он использовал, как профилактику, метод устрашения неминуемости сурового наказания, чем, конечно, вызывал нарекания в свой адрес и, как следствие, обвинения в бессмысленной жестокости. Используя чаще не само наказание, а метод устрашения, Луи Даву говорил: *«Сохраняя эту ужасную репутацию, я внушу такой страх, что мне не придется вешать кого-либо»* [10, р. 280].

Даву часто, и совершенно несправедливо, обвиняют в чрезмерной жестокости, забывая при этом, что сама война – жестокое предприятие, во время которого происходили, да и будут происходить, самые разные, порой совершенно противоречащие друг другу моменты. Даву не был жесток в том понимании, какое вкладывают в это слово, но он был предельно суров и тверд, что касалось

воинской дисциплины и чувства долга; для него было совершенно неприемлемо совершать жестокость ради самой жестокости, ради утоления крайних низменных принципов и инстинктов. Даже самые суровые меры, которые «железный маршал» вынужден был проводить в жизнь, всегда диктовались конкретной обстановкой, и не всегда эта обстановка была благоприятной для проявления умеренности и даже мягкости по отношению к кому бы то ни было. Всякого рода злоупотребления вызывали в душе маршала самые негативные чувства. *«Необходимо обрушиваться на истоки злоупотребления»*, — часто говорил он [8, р. 26]. А потому, его суровость была следствием этого принципа и этому принципу он будет верен всю свою жизнь, совершенно не обращая внимания на шквал обвинений в жестокости и несправедливости, который поднимался со стороны тех, кого Даву уличал в бесчестных поступках. *«Я слишком знаю людей, чтобы судить их по рапортам других, часто продиктованных ошибками и даже мелкими страстями»* [8, р. 33]. Несмотря на всю строгость к провинившимся, Даву, тем не менее, умел и вознаграждал тех, кто был действительно достоин этого.

Маршал Луи Никола Даву был одним из немногих командиров французской армии, который не боялся брать на себя ответственность; этого же он требовал и от подчиненных. Он был очень требовательным к исполнению его приказов и в этом деле он не шел ни на какие компромиссы. Даву выражал крайнее недовольство, если его приказы не выполнялись или исполнялись плохо. Еще больший гнев у Даву вызывало не только неисполнение распоряжений, но и нарушение субординации и дисциплины. Неукоснительное соблюдение приказов – это, в понимании маршала, не только ключ к успеху, но, что самое главное, долг любого солдата. Насчет этого сам Даву писал: *«самое трудное в нашей профессии – исполнение отданных приказов»* [3]. Исполнение приказов, по мысли Даву, это в первую очередь вопрос дисциплины, и он за все время своей военной карьеры прилагает максимум усилий, чтобы в его войсках был жесткий порядок.

Недовольство Л. Даву распространялось не только на неисполнение приказов, но и на всяческое и обсуждение. Так в письме Наполеону маршал жалуется на генерала Дессе, который *«проникнут очень дурным духом; разговорами против форсированных маршей он поощряет офицеров и солдат к жалобам и обсуждает за спиной все приказы, которые получает. Я серьезно предупредил его, что, если он будет продолжать, я посчитаю своим долгом отправить его к Вашему величеству. Это будет во всех отношениях не очень значительная потеря»*. Однако Наполеон не дал этому делу хода и в своем ответе успокаивает маршала: *«Я полагаю, что после первого же боя вы будете удовлетворены генералом Дессе, который является хорошим солдатом»* [9, р. 437].

Несмотря на некоторые резкие оценки в адрес Даву, все же большинство современников отдают должное маршалу за поддержание порядка и дисциплины не только во вверенных ему войсках, но и на территориях, которыми ему приходилось управлять. Русский историк Богданович дает следующую характеристику Даву: *«Постоянные блестящие успехи, возвысив его в общем мнении, поселили в нем гордость; сознавая собственные достоинства, он внушал в своих подчиненных уважение к себе и безусловное повиновение своему повелителю. Должно однако же заметить, что этот человек, наводивший ужас на всех тех, коих судьба от него зависела, совсем не был жесток и кровожаден. Современники маршала прославляли его справедливость, административные таланты и введенный им примерный порядок, обуздывавший самых отъявленных грабителей интендантской части. Нередко случалось ему смягчать строгость полученных им приказаний»* [1, с. 334-335]. И хоть историк пишет свое мнение, опираясь на данные о совсем другой войне, в оккупации Москвы в 1812 году, точно также, осознавая, что ценность войск также необходима, как качества их командира, Даву старался сделать из своего корпуса элитную часть. Наряду с этим, маршала Даву отличали от других наполеоновских маршалов постоянная забота о нуждах солдат и выдающиеся административные таланты. *«Мы были в армии, где была возможность есть»*, - говорили солдаты корпуса Даву [2, с. 213].

Что касалось нужд солдат, здесь маршал был предупредительным и скрупулезным во всем, вплоть до самой незначительной мелочи. Он думал не только о том, чтобы солдаты его корпуса не испытывали недостатка в продовольствии и в обмундировании, но следил за их здоровьем, следил за тем, чтобы число больных не превышало критической отметки ...

Очень часто Л. Даву выкладывает из своего собственного кармана деньги, чтобы приобрести для солдат недостающую обувь, одеяла, медикаменты. Эта черта характера Даву отмечалась всеми современниками. Правда, у некоторых современников подобное беспокойство вызывало не столько одобрение, скорее наоборот, вызывало раздражение. Особенное негодование у многих вызывало беспокойство даже о мелочах. Сам же маршал всегда заявлял, что на войне, как, впрочем, и в административной деятельности в мирное время важно все, даже незначительная деталь. Во время своих инспекционных поездок, он, например, требовал, чтобы офицер любого ранга знал не только положение своей части, но и мог дать о любом солдате необходимую информацию. Если ответы не убеждали маршала Луи Даву, он задавал

массу вопросов, чтобы добиться необходимой и правдивой информации. Он часто посещает полковые школы, дабы убедиться в том, что подготовка унтер-офицеров идет в правильном направлении, чтобы офицера готовили не только как военного, но и как наставника, заботящегося и знающего своих подчиненных, вникающего в их нужды. Поэтому он не раз именовал корпус младших офицеров – «душой армии». Эта постоянное вникание во все мелочи, беспокойство об исполнении своих приказов соединялось с жесткими требованиями относительно дисциплины и служебных обязанностей, что сделало корпус Даву – элитным подразделением французской армии, которое соперничало по своим возможностям с Императорской гвардией.

Где бы ни находился корпус, маршал всегда находится в движении, чтобы лично наблюдать за состоянием вверенных ему частей, услышать жалобы, мнения и пожелания офицеров и решить на месте многие вопросы. В письме жене он пишет, что *«даже на следующий день я не знаю, где буду. Я направляюсь туда, где мое присутствие наиболее необходимо»* [8, р. 28].

Неожиданные приезды маршала, его холодный и подозрительный взгляд, его прямые слова, порой резкие и почти всегда критические, воспринимаются подчиненными по-разному: одни шепчут и ждут смены должности, другие возмущаются. Это факт, который подтверждают практически все современники, что манеры маршала Луи Никола Даву часто были неуклюжими, а порой и просто оскорбительными для тех, кто сталкивался с ним, особенно по роду службы. Поэтому Даву входил в число самых непопулярных командиров французской армии; служить под его начальством соглашались очень немногие офицеры; очень часто офицер, переведенный в корпус Даву, был вынужден писать новое прошение о переводе в другой корпус, поскольку не выдерживал тех строгих требований, которые предъявлялись маршалом.

Заключение

Резюмируя корреспонденцию маршала Даву, стоит отметить, что его тремя главными достоинствами были: большое личное мужество и неустрашимость, полное самообладание и выдержка в минуты опасности, и невероятное упорство и стойкость. Его забота о здоровье солдат, о том, чтобы они не испытывали недостатка в продовольствии и в обмундировании вызывает восхищение. К тому же, жесткая дисциплина в войсках, непримирение с мародёрством и разного рода бесчинствами ставят Даву в число лучших военачальников, администраторов и организаторов французской армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович М. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. – СПб., 1863. – Т. 1. – С. 334–335.
2. Гарнич Н.Ф. 1812 год. – М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1952. – 214 с.
3. Захаров С. Даву – полководец, администратор, человек [Электронный ресурс] // <http://www.adjudant.ru/fr-march/davout-in-life-01.htm#t11> (дата обращения: 12.12.2020).
4. Колачковский К.И. Записки генерала Колачковского о войне 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1911. № 3. – С. 34–36.
5. Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 г. – СПб.: тип. Э. Арнольда, 1867. – 212 с.
6. Отечественная война 1812 года в современной историографии. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 174 с.
7. Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 188 с.
8. Davout L.N. Memoire de m. le marechal Davout, prince d'Eckmuhl au Roi. – P., 1814. – P. 20–21.
9. Fabry G. Campagne de Russie. 1812. Operations militaires. – P., 1900. - Т. 1. - P. 437.
10. Montegut E. Souvenirs de Bourgogne. – P. 280.
11. Roder von Bomsdorf O.W. Mittheilungen. – Leipzig, 1816. Th. 1. – P. 94– 96.

© Рубини Франческо (francesco.rubini@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов